

С.А. Королевич

ЯЗЫКОВАЯ ЛИЧНОСТЬ КИРИЛЛА ТУРОВСКОГО В ЭМОТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ГИМНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

В статье исследуются текстовые проявления языковой личности Кирилла Туровского, выступающие в эмотивном пространстве молитв. Описаны средства языкового представления доминантных эмоций, характеризующие когнитивный и вербально-семантический уровни личности автора; определены функции эмотивных средств в молитвах, отражающие прагматические установки их создателя. Сделаны выводы о культурно-идеологической специфике вербализации эмоций в древних текстах.

Память о великих людях прошлого сохраняется в их деяниях, память о великих писателях Древней Руси – в их творениях, в слове, ибо слово – тоже дело. На основе текстов, дошедших до нас через века из Руси начальной, можно представить личность их создателей – живых, мыслящих, переживающих, оценивающих окружающий мир и свое место в нем.

Кириллу Туровскому принадлежит особое место среди восточнославянских книжников. Этот крупнейший мыслитель и писатель Древней Руси не имел себе равных среди современников ни по объему оставленного литературного наследия, ни по популярности и авторитету [3, с. 190]. Его творчество признается вершиной золотого века древней восточнославянской литературы и занимает почётное место рядом со “Словом о полку Игореве”. Примечательно, что поучения, торжественные слова-проповеди, повести, послания, притчи “второго Златоуста” – так его называли уже через несколько десятилетий после кончины, с начала XIII века, – привлекали к этому автору внимание многих поколений знатоков и исследователей древней словесности благодаря не только содержанию, но и языку.

Биографические сведения о великом туровлянине, почерпнутые, главным образом, из его краткого “Жития...”, скудны, но значимы для постижения его творчества. Автор родился предположительно в 1130-е годы. Учился в родительском доме, продолжил образование в стенах Туровского монастыря, где существовали все условия, чтобы овладеть знаниями не только греко-византийского мира, но и западного, римского. Пострижен в монахи в юношеском возрасте. Первым на Руси совершил монашеский подвиг столпничества, запершись отшельником ради умерщвления плоти и усовершенствования духа в башне, где молился и излагал “божественная писания”, которые и принесли ему литературную славу. Почитаемый за праведность, был поставлен епископом города Турова. В конце жизни, после 1180 года, когда Кирилл оставил заботы церковного иерарха и смог вернуться в монастырь святого Николы в Турове, он и написал цикл повседневных молитв.

Гимнографическая лирика признаётся высочайшим из того, что создано гением К. Туровского. Однако молитвенное творчество древнего писателя почти неизвестно, оно вошло в научный оборот сравнительно недавно, когда увидела свет книга Ю. Лабынцева «“Напой росой благодати...” Малітоўная паэзія Кірыла Тураўскага» [6], которой помещены фотографически воспроизведенные по старобелорусскому изданию 1586 года “Молитвы на всю седмицу”. А между тем изучение молитвенных текстов может дать представление об истинной силе, значительности и высоте нравственного чувства этого автора, о масштабе его писательского таланта. В свете базисной парадигмы современного языкознания – лингвоантропоцентризма – содержание молитв, являющихся произведениями интимного жанра, объективно представляет языковую личность их создателя. Под языковой личностью мы понимаем личность, которая выражается

в языке (текстах) и через язык как сущность социально-историческая, выявляющая определенное мировидение, общую и языковую культуру, отмеченная как присутствующими обществу в целом, так и индивидуально-психологическими чертами.

Жанр молитвы специфичен, поскольку в ней воплощен речевой акт экспрессивного типа. Однако “Молитвы на всю седмицу”, как и всякий текст, отражают действительность и имеют с ней связь двоякого характера. С одной стороны, тексты молитв сами по себе выступают как объекты материальной культуры. Их экстралингвистические параметры соотносятся со следующими фактами: 1) автором молитв является, бесспорно, Кирилл: на это имя есть указания в предисловии к их изданию **Творение Святаго Отца Нашего Кирила**” (75)¹; 2) жанр молитвы в творчестве великого туровлянина не случаен: вера в Бога была основой мировоззрения автора на протяжении всей жизни: **господи, к тобѣ приверженъ быхъ от юности моеа, и от оутробы матере моеа** (184); 3) время написания молитв – преддверие смерти, которую автор, возможно, предчувствовал: **время живота моего съкратиса** 193); **не попусти ми господи скончати са въ грѣсѣхъ** (184). С другой стороны, реальность, отображенная художественными средствами и эстетически освоенная, представлена в содержании названных текстов.

Исходя из теоретических установок и принципов филологического анализа текста [см. 2], особенности языковой личности выявляются как с учетом экстралингвистических факторов, так и в ходе изучения содержания и интерпретации смысла текста. Поэтому гимнографические тексты следует рассматривать в контексте жизнедеятельности Кирилла, его аскетических устремлений в рамках православной ортодоксии. Христианство в средние века представляло своего рода руководство, которое направляло ум и волю человека. Кирилл Туровский верил искренне и истово, христианское учение фактически оформило его жизнь и судьбу, и предназначением автора стала любовь к Богу. Чувство любви требует полного самоотречения, безграничной преданности, постоянного душевного труда, заполняющего всё существование. Эксплицитным содержанием молитв, по сути, и стало описание человека, всеми силами души настойчиво стремящегося из земного, бренного мира к достижению мира божественного, небесного, идеального.

Вместе с тем анализируемые тексты можно интерпретировать и как ментальный акт отречения от реальной жизни, устремления к духовному исцелению, т.е. имплицитно здесь воплощен сложный мир чувств, настроений, стремлений, оценок создателя молитв. Вследствие этого в семантической структуре рассматриваемых текстов значимым компонентом является эмоциональное содержание, образующее особое эмотивное текстовое пространство.

Эмотивное пространство обычно составляют чувства, объективно существующие в действительности и приписываемые персонажу (диктальные), а также чувства, испытываемые автором (интенциональные, или модальные), и чувства экстенциональные, направленные на заражение читателя определенными эмоциями [2, с. 203]. Однако в эстетической структуре цикла молитв автор выступает и как субъект повествования, и как объект художественного познания; к тому же молитва – жанр интимный, адресованный, в первую очередь, Богу. Следовательно, эмотивное пространство текстов цикла “на всю седмицу” образуется из переплетения и наложения диктальных, модальных и экстенциональных смыслов, воплощенных в языке, и служит главным образом, всесторонней характеристике языковой личности Кирилла Туровского.

¹ “Молитвы на всю седмицу” цитируются по текстам “Молитв повседневных”, напечатанных в 1596 году и фотографически воспроизведенных в книге Ю. Лабынцева [см. 6, с. 95-235]. В круглых скобках указаны страницы по этому изданию. Графика примеров упрощена: надстрочные буквы внесены в строку, исключены диакритические знаки, раскрыты титла, буквы **ѣ, ѡ, ѣ** передаются как **и, о, ѣ**.

Языковая личность – это многоуровневая структура, включающая вербально-семантический, когнитивный и мотивационный уровни [5, с. 245]. Все названные уровни обнаруживаются в эмотивном пространстве текста. Понятие эмотивности по-разному трактуется в современной лингвистике [4], но для всестороннего исследования языковой личности автора мы рассматриваем эмотивность с позиций психолингвистического (= антропоцентрического) подхода. Согласно ему эмотивность в тексте реализуется не только и не столько лексическими обозначениями эмоций, сколько любимыми языковыми единицами, которые участвуют в вербализации эмоций благодаря связи с разного рода коллективными и индивидуальными ассоциациями, имеющими эмоциональную значимость для адресанта.

В содержании анализируемых текстов выявляется ряд концептов языковой картины мира христианина, показательных, прежде всего, для характеристики когнитивного уровня личности К. Туровского. Эти концепты образуют противопоставленные и взаимосвязанные поля святого и скверны. Святое – Бог, Иисус Христос, богородица, апостолы, пророки, архангелы и ангелы. Скверна – “нижний мир”, населенный земноводными и пресмыкающимися, а также бесами. Верхний, горный мир противопоставлен “нижнему”. Полярными точками в этой оппозиции выступают концепты “Рай” и “Ад”. Человек находится между этими мирами, на земле, т.е. ближе к миру скверны, но, согласно христианскому учению, воспринятому из древних европейских культур, он при жизни не принадлежит ни высшему, ни низшему миру. Цель его земного существования – удостоиться царствия небесного и избежать ада – “**пльнениа дивола**”, “**работы лоукаваго**”.

Возвышенное (“Святое”) и низкое (“Скверна”) выступают основой образного строя многих молитв, так как являются типичными концептами, на которых строятся дискурсы религиозного типа¹. Они стали константами русской национальной культуры, придав ей ярко выраженный дуалистический характер. Ю.С. Степанов, ссылаясь на В. Даля, пишет, что русские “*святым* зовут вообще все заветное, дорогое, связанное с истиною и благом: *Святая* отчизна; Это мой *святой* долг; Слово *свято* – нерушимо; *Святой* угол – где киот и иконы”. Концепт “Скверна” имеет прямо противоположное значение: “Скверна” – мерзость, гадость, пакость, касть, все гнусное, противное, отвратительное, непотребное, что мерзит плотски и духовно; нечистота, грязь и гниль, тление, мертвечина, извержения, кал; смрад, вонь; непотребство, разврат, нравственное растление; все богопротивное. [7, с. 869-870].

Представления Туровского о мире несколько отличаются от общеязыковых. И в тексте молитв, как показывает анализ их содержания, и в эмотивном поле выступает образ мира из трех составляющих: мир святой, горный, – мир срединный, сакральный, – скверна. Святое для этого автора – Бог, “**сѣдай на херувимѣх**” (104), т.е. ангелы и архангелы являются своего рода посредниками между Богом и человеком, заступниками людей перед “**царем небесным**” и хранителями от “**князя тьмы**”. Очевидно, в мировидении К. Туровского такой образ сформировался под влиянием греко-византийской патристической литературы и отражает самые ранние христианские воззрения. Ю. Степанов, в частности, отмечает, что аналогичное тройное деление в рассматриваемом концептуальном поле существует в индоевропейской культуре, у греков и римлян:

¹ Заметим, кстати, в скобках, что прототипические представления о возвышенном и низком существовали и в дохристианские времена. По архаическим представлениям, верхний мир населяли птицы, по религиозным – ангелы (херувимы и серафимы), тоже с крыльями; обитателями нижнего мира считались земноводные и пресмыкающиеся (змеи, лягушки, жабы – обитатели болота, грязи), а также кроты, мыши, крысы и некоторые насекомые, живущие в земле; по религиозным – черти тоже обитатели болота, а ад находится под землей [7, с. 873]

“Святое” (связанное с божественным миром, вне мира людей) – “Сакральное”, прямо связанное с миром людей, но и неприкасаемое, запретное для людей, – “Скверное, скверна” [7, с. 872].

Анализ лексико-семантических характеристик языковой личности Кирилла Туровского показывает, прежде всего, что вербальные корреляты названных концептов в тексте молитв входят в эмотивное поле благодаря коннотативным смыслам, репрезентирующим религиозные и культурные представления всего социума. Верхний мир представляют слова, которые содержат позитивный эмоциональный смысл в семантической структуре: потенциально: **Богъ, творец, владыка, царь небесный, господь, сынъ божий, Иисус Христос, богородица**. Лексические репрезентанты срединного, сакрального мира в гимнографических текстах – это лексемы **архангелы, херувимы, серафимы, аггелы, сватый Михаилъ, архангелъ Гавриилъ, Рафаилъ, сватый Уриилъ** и др. Концепт “Скверна” коррелирует с номинациями **нижняа тварь, скотъ, черви, гадъ, змеи, тина, калъ, нечистота, скверна**.

Поскольку в коллективном сознании за словом закреплен устойчивый ряд ассоциаций, то средствами вербализации представлений о верхнем мире служат также номинации позитивных состояний и эмоций: **свѣтъ, чюдеса, спасение, исцѣление, радость, человеколюбие, веселие, надежда, благость, милосердие, солнце**. Со срединным миром соотносятся лексемы с позитивным смыслом (**свѣтлость, блистание**), а также перифрастические обозначения (**хранитель родоу человеческому; хранитель доуши моея, заступник живота, радости ходотай, спасению благовѣстник, осиявый чюдесы всю вселенноую, ми помощник** и др.), характеризующие архангелов, ангелов и другие святые силы как посредников между людьми и Богом (и дьяволом, если ангел немилостивый). Нижний мир ассоциируется для Кирилла и его современников с иными эмоциями (**печаль, страхъ зависть, злоба, ненависть, скорбь, оуныние**) и состояниями, порождающими эти эмоции (**ноужда, бѣда, тьма, ночь, болезни, недоуги, смерть**). Крайними полюсами в эмоциональном представлении мира в содержании молитв выступают концепты “Рай” (его экспрессивные перифрастические номинации – **вечнаа жизнь, безконечнаа радость; чертогъ царствиа небснаго (110), чертогъ сватой Христов (135)**) и “Ад” (**держава смерти, тма кромѣшнаа и неосыпающии ядовитыи черви (119); ночь страшнаа и трепетнаа и гллубокаа тма (135)**).

Эмотивное поле молитвенных текстов, связанное с названными концептами, эксплицируется разнообразными языковыми средствами выражения эмоций и имеет определенную структуру. В ее ядерной части представлены чувства и переживания кающегося грешника, вокруг образа которого так или иначе концентрируются другие эмоции персонажей и автора молитв. Бездна между человеком и Богом (горним миром) эмоционально представлена через контраст греха и святости. Выражение (и противопоставление) этих понятий на уровне отдельных слов, фраз, текстовых фрагментов (тирад) не только образует семантическое и эмотивное пространство анализируемых текстов, но и в конечном итоге позволяет представить смысл существования Кирилла – отречение от жизни плотской, повседневной, тленной ради жизни духовной, грядущей, вечной.

Эмоции кающегося грешника изображаются как особая психическая реальность, отражение его внутреннего состояния и представлены чувствами страха, печали, скорби, уныния, униженности, стыда, уничтожения и презрения к самому себе. Доминантными являются эмоции страха и печали: **Разоумѣю бо сѧ паче всякого человека злаа и неподобнаа богу сътворивша боусѧ (114); Тоужоу и скорбяю, и печалию оуязвляюсѧ**

судный день помышляю и изнемагаю (162); *Все житие мое печалию въсхищено бысть* (123). Это эмоции базовые (универсальные) для русской языковой картины мира. Эмоция страха, отмечает В.И. Шаховский, обусловлена предвосхищением какого либо зла, способного причинить горе или разрушение [8, с. 5]. Страх и печальные предчувствия грешного человека перед грядущим судом небесным представляют собой константы эмоциональной картины мира христианина, и автор молитв, тоже манифестируя эти типичные для христианских воззрений эмоции, проявляется, в первую очередь, как социальная сущность.

Анализ вербализации смыслов, представляющих в эмотивном поле кающегося героя, позволяет выделить следующие группы языковых средств их выражения.

1) Слова, главным образом глаголы, характеризующие внешнюю сторону речи персонажа, экспрессивность произнесения молитвы. Автор считает себя наибольшим грешником, и в его обращении к Всевышнему выразительно нагнетание экспрессии, подчеркивающее отчаяние молящегося. Эмотивные языковые единицы варьируются в текстах каждой из молитв и отражают не только разнообразие эмоций, но и их градацию. Сокрушенный вздох Кирилла переходит в плач, плач – в стон, стон – в отчаянный вопль: *Въздыхаю из глубины сердца* (155); *плачу душевною болезнию* (97); *Того ради стеною из глубины сердечныя* (97); *безпрестанно въплю ти с слезами* (162); *Вопию воплемъ велиимъ* (101) и т.п.

2) Описательные обороты, воплощающие поведенческие (жестовые) характеристики: *Тобѣ на колѣнѣхъ припадаю, и роуцѣхъ простираю* (231).

3) Средства, характеризующие самого молящегося и его поступки, в частности эмоционально-оценочные эпитеты (*нечистъ и скверненъ есмь; оумылтый, нѣмошный и печальный; недостойный рабъ, весь нищъ есмь и оубогъ*) и отадъективные существительные со значением качественной характеристики (*помози моей худости, чернота дел моихъ, нечистота многихъ греховъ, немощь естества моего*). Такие слова, в прямом смысле не являющиеся номинациями эмоций, обладают эмотивностью благодаря модусу оценки, которая входит в их денотативное значение. Они имеют и перлокутивный эффект, т.е. способны вызвать эмоциональный резонанс у адресата речи.

Аналогичную эмоциональную квалификацию обретает в тексте характеристика земной жизни, жизни тела, противопоставленной вечной жизни души. Обыденное существование для Кирилла – *суетное житие, неподобная и стуждая дѣла* (160). Земная жизнь неприглядна, грязна, плоть изначально склонна к злу, к греху, душа на земле болеет. Эти резко отрицательные эмоциональные смыслы чаще манифестируются тропами разного вида:

1) аллегорическими обозначениями: *смрадная тина грѣховная, тина беззаконий моихъ* – земная жизнь; *ровъ любовѣания*;

2) многочисленными сравнениями с использованием конкретно-бытовых образов: *каюся... яко песь възвращаѣся на своя блеватины* (190); *правителю душѣ нашихъ... не послѣ на ма гнѣва достойна. да не боуду яко риза моимъ издадена, или яко желѣзо иржею скончаваемо* (122-123);

3) метафорическими образами, основанными на переносном использовании номинаций негативных физических состояний (*душевные болезни, телесные недуги, строупы души, извѣы души*), названий враждебных человеку стихий (*буря злыхъ напастей*), природных реалий: *терномъ дѣлъ избодохся* (164), *нивоу сердца моего терниемъ*

порастихъ лѣнотнымъ (144); оуклонихъса в дѣбри любосластіа (164). Образность, метафоричность – традиционная характеристика церковнославянских произведений и определяющая для языка Кирилла Туровского.

Как видим, эмоциональное состояние страха и печали не только в существенной мере определяет общую экспрессивность всего молитвенного цикла, но и, вследствие многообразного текстового выражения чувств, переживаний, оценок автора, образует эксплицитное содержание текста.

Однако известно, что автор озаглавил рассматриваемые тексты как “Молитвы умиления Кирилла мниха недостойнаго и многогрешна сущаго всех у святаго Николы в Турове” [6, с. 43]. Такое заглавие предполагает выявление и противоположных доминантных интенциональных смыслов автора. Действительно, позитивные смыслы, эмоционально представляющие Бога (и других представителей горнего мира), выявляются в каждой молитве, резко контрастируя с уничижительной “самокритикой” автора. Средства вербализации таких смыслов не менее богаты и разнообразны, чем в характеристике Кирилла.

Во-первых, это номинации положительных эмоций, подчеркивающих идеальность господя: **благость, чистота, щедрота, милость, человеколюбие, милосердіе.**

Во-вторых, это эмоционально-оценочные эпитеты: **долготерпеливый, всещедрый, беззлабивый, ногомилостивый, всемогий, животворящий; оутѣшитель, человеколюбець, благодѣтель,** которые усиливают позитивный смысл лексемы *Бог*, потенциально выступающий в ее денотативном значении. Таково же назначение и других эпитетов: имя Бога – **великолепое, чудное,** слова его (глаголы) – **благаіа, доушеполезныа, благовещаныа, высокопомысленыа;** поступки – **безчисленныа щедроты, неизреченное, неисповѣдимое человеколюбие** и др.

Кроме этого, в тексте многочисленны метафорические образы, которые даже могут быть объединены в метафорические поля вследствие повторяемости образной основы. Так, уповая на любовь всевышнего, автор видит в нем избавителя от мук, исцелителя своей больной души. Это обусловило включение в текст целого ряда схожих по семантике метафор сложной структуры, окрашенных противоречивыми эмоциями, но несущих, в конечном счете, положительный смысл благодаря тому, что позитивно окрашенные слова занимают в тексте сильную позицию (функция предиката в предложении: *зловный тернь от оума моего отжени* (203); *великою язвоу золь моихъ врачоуи* (209), *исцѣли болезни сердца моего и изврачоуи строупы доуша моего* (181). Поэтические метафорические образы не только характеризуют Бога и вышние силы, способные одарить кающегося грешника великими милостями (*доушоу мою любовью прохлади* (182), *ороси покааніем иссохшее сердце* (154), *даждь ми от сѣмене святаго твоего, напои росою благодати твоеа да принесоу ти плод покааніа* (181)), но значимы и для представления эмоций автора.

Наконец, текстовое эмотивное поле содержит множество эмоционально ёмких перифраз, ассоциированных в коллективном сознании с положительным идеалом: Бог – *пастоуше добры* (217), *цѣлитель и врач всего мира* (151), богородица – *отчаившимса надежда, обидимымъ помощница, печальнымъ оутѣха* (148); *възведение человеческого родоу* (158), *чаша, напаяюци здравіа* (158), *баніа, омываюци грѣхи* (158); Иоанн Креститель – *чистоте оучитель* (137) и др. При этом перифразы сходны по эмоциональным обертонам, так как построены на основе лексем, символизирующих свет, противопоставленный тьме греховной: богородица – *пресвѣтлаіа свеща, звѣзда незаходимаіа* (158), Иисус – *заріа отча, свѣтъ неприкосновенный* (125) и др.

Помимо вербализованных эмоциональных характеристик Бога в тексте есть и неявные, имплицитные эмотивные смыслы, выявление которых значимо для постижения авторского замысла, отразившегося в заглавии молитв. В частности, позитивное эмоциональное представление “царя небесного” в текстах молитв усиливается благодаря его противопоставлению “князю тьмы” дьяволу. Темные силы, стремящиеся “потопити” грешника “злохитриемъ въ глубине грѣховнѣй” (129), обрисованы в резко негативных диктальных смыслах. Для обозначения дьявола автор использует не только прямые обозначения (*сатана, бѣсъ, дьяволъ*), но чаще табуированные номинации с отрицательным оценочным модусом (*лоукавѣй, лестивѣй*), перифразы, образованные на основе негативных ассоциаций (*татъ же доуша моеа* (146); *старѣй враг и мочитель* (184); *темный искушитель* (233), *темный князь* (202)). Оценочные характеристики дьявола (эпитеты) тоже явно отрицательны: *злокозненъ врагъ* (121), *похотный бѣсъ* (191), *клеветник дьяволъ* (193). Особой экспрессией среди номинаций дьявола отмечены метафорические обозначения, построенные на образах войны. Они представляют дьявола как силу злую, агрессивную: *полки бесовские, легион бесовский, воинство демонское, ратникъ дьяволъ*. Адово царство – “*держава смерти*” (200). Сила Бога, наоборот, созидательна: Христос – *цѣлитель и врачъ всего мира* (151); Бог – *зидатель и творецъ всеа твари* (143).

Аналогичную роль играет и другой авторский прием, благодаря которому характерологические средства позитивного плана в содержательной структуре образов горнего мира выступают еще выразительнее. Это своеобразный прием “обманутого ожидания”. Анализ текстов показывает, что негативные эмотивные смыслы реализуются не только как фразовые или фрагментарные, но пронизывают тексты молитвенного цикла в целом. В итоге семантический радиус отрицательных чувств выходит за пределы характеристики грешного Кирилла и достигает эмоциональной сферы Бога. Униженно кающийся Кирилл постоянно страшится проявления негативных эмоциональных реакций “царя небесного”, которых он по заслугам ожидает за свои грехи. Это гнев: *Боже отче, не послани на ма гнѣва достойна* (122); даже ярость: *Да не поасть мене мечъ ярости господна* (114); а еще презрение: *Не гноушай са мене сквернаго, ни презри мене ослѣпша доушевными очима* (172); отвращение: *Не мерзко ти боуди въздыханимое о грѣсѣхъ, еже приношу ти* (159). Такая эмотивная лексика не случайно включена в конструкции с отрицанием, поскольку Кирилл, убежденный в том, что Бог вправе отринуть и наказать грешного человека, ожидает проявлений божьего гнева. На фоне этого “обманутого ожидания” милость господня воспринимается как “*великое безчисленное и неисповѣдимое милосердие*” (219).

Благодаря авторской тактике разноуровневых противопоставлений (на уровне фразы, отдельного образа и, наконец, всего текста) обнаруживается, что истинная вера Кирилла, питается не страхом, а любовью к творцу и уверенностью в том, что грозный и всемогущий Бог милосерден и милостив (*поучина щедрот, поучина человеколюбива*). Он защитник, добрый пастырь, опекающий даже заблудших овец. Именно поэтому автор, представляя себя наихудшим из грешников (*человѣкъ не бысть тако грѣшен отъ вѣка, яко же азъ* (98)), все же верит в милость Бога, надеется на прощение и спасение: “*Пастоуше добръ, не отлоучи мене оградъ избраныхъ овецъ*” (217), *спасе мой, сподоби ма одѣсноую тебе стати в день соудный* (210).

Несомненно, здесь выявляется и самый важный имплицитный смысл гимнографических произведений Кирилла Туровского: милость Бога обозначает веру в Челове-

ка. Бог прощает грешника, потому что тоже верит в его человеческую ценность, способность к духовному возрождению, в то, что в каждом из земных людей всегда есть нечто, заслуживающее любви и прощения. Этот высокий гуманистический пафос является основополагающей характеристикой языковой личности великого писателя.

Для уяснения авторской тактики значимо выявление и частных приемов использования эмоциональных средств. Важнейший из них – это варьирование и повтор эмотивных смыслов. На повторяемость в средневековой литературе выразительных средств и постоянство их словесной формы указывала еще В.П. Адрианова-Перетц [1, с. 9]. Оценки греховности человека и величия Бога с помощью тропов лексически варьируются во всех своих смысловых и эмоциональных оттенках. Например, тема “худости и убожества” грешного Кирилла, являющаяся одним из доминантных личностных смыслов для автора, развивается и варьируется благодаря детализации образа персонажа: *нѣсть бо во мнѣ части цѣлы, ни мѣста чиста* (140), *нѣсть бо во мнѣ мѣста чиста, но всѣ скверно* (150). Туровский эмоционально характеризует душу, сердце, глаза, ум и т.д.: *доуша омраченнаа, оубогаа, окаяннаа; сердце оубоное, иссоушее, нечисто, оумъ омеркшии, очи скверны; оуста недостойны*. В роли синтезирующих эмоциональных образов выступают развернутые метафоры: *азъ бо есмь вертепъ злымъ дѣломъ* (132). Использование тропов здесь подчинено «принципу риторической ампликации».

Лексическое варьирование доминантных эмотивных смыслов обуславливают также следующие приемы, характерные для творческой манеры Кирилла Туровского:

1) использование антонимов: *день — ночь* (126), *солнце — тьма*, *зло — добро* (185), *сетование — веселие* (200); *хранитель — гоубитель* (98); *ревнив — ленив* (185); *животоу и смерти имей власть* (143); *ненавидящих и любящих нас* (221); *съкратиса — оумножиса* (193). При этом многие из противопоставляемых слов являются символами;

3) построение оксюморонов: *болею обнищал богатый* (207), *тмоу оума моего просвѣти* (209); *воплотиса безплотен съий* (207); *солнце въ тмоу преложив* (209); *дай имъ в земныхъ мѣсто небеснаа, и въ тленныхъ мѣсто нетленнаа* (222);

4) использование эмоционально-оценочных синонимов (*болезни — недоуги; нищ — оубог; крепость — сила; тварь — създание; зиждитель — творец, нечистота — скверна — калъ; исцели — изврачуй, въздам — мздоу принесоу*);

5) наличие повторов тавтологического и плеонастического характера (*молитвами и молением* (111); *вопию воплем велиим* (115), *брѣма тажко отаготеша на мне* (115); *велико величество твое* (205) и др.

Высокий эмоциональный настрой молитв Кирилла Туровского в существенной мере создается благодаря и традиционным риторическим приемам: текстовым повторам: *оутверди ма на камени веры* (209); *оутверди нозѣ мое на твердом камени твоеа веры* (233); восклицаниям-аффективам □ (*Увы мнѣ! Горе мнѣ!* (133)); риторическим вопросам (*Что сътворю на оугождение твое?*).

Включение многочисленных эмоциональных средств в молитвенные тексты, использование автором разнообразных приемов их текстовой организации выполняет целый ряд функций. Прежде всего Кирилл Туровский реализует себя как конкретно-историческая сущность, выступает как проповедник, выражает свою религиозную эмпатию. Его вера – это постоянная душевная работа, и он исполняет ее неистово. Молитвы монаха Кирилла, по сути, являются ежечасной и каждодневной словесной жертвой, которую он приносит Христу: *благодателю, агньче божий ... призри на мое смирение и исправи молитвоу оустъ моихъ. и прими словесною сию жертвоу* (106). Эмоции ав-

тора не случайно предстают как динамическое множество и воплощаются в текстах с предельной экспрессией: ведь если скверну природную очищают вода и огонь, то скверну духовную – искреннее покаяние. В ежедневных молитвах, которые читаются утром, днем и вечером, автор находит все новые и новые формы обращения к Богу, звучащие все с большей экспрессией: *прими ... глас молитвы моеа* (160); *възсылаю ти мольбоу* (149); *к тобѣ възпоущаю глаголы молебныа* (122); *оуста недостойна възпиютъ к тобѣ* (122) и др. Считая земное бытие лишь подготовкой к вечной жизни, Кирилл словно клеймит сам факт своего физического существования, неустанно молится о прежних грехах, осознанно вновь и вновь возвращается к покаянным речам, заявляя: *Не приемлю исцѣления скорымъ покаяниемъ* (117).

Эмотивные средства выступают для автора и средством познания и освоения мира, служат увеличению возможностей передачи новых смыслов, созданию новых наименований из материала существующих слов для изображения предмета речи. В показе мира горнего, божественного, нематериального, который недоступен обычному восприятию, а также в изображении “адова царства” Кирилл Туровский опирается на образы земные, прибегает к использованию тропов, в основе которых лежат обозначения конкретных реалий из предметно-бытовой сферы (природные явления, земледелие, врачевание, рыболовство, отношения в обществе). В результате в его идиостиле возникает яркая отличительная черта: метафоры и сравнения служат эмоциональному изображению отвлеченных понятий, но создаются их на основе номинаций явлений повседневной жизни. Например: *азъ оуглебоухъ въ тинѣ беззаконий* (164); *нивоу сердца моего терниемъ порастихъ лѣностнымъ* (144); *Господи, напои жаждущую душу мою от безчисленнаго человеколюбиа твоего* (182); *възопихъ ... яко рабъ боай са господина своего; помолихса яко наемникъ чаа мзды своеа* (144) и др. Тропы при этом являются средством познания и освоения мира не только для автора, но и для адресата: тексты молитв, несмотря на авторство Кирилла, несомненно, были предназначены для чтения другими людьми (в каждой из них имеются лакуны, предполагающие подстановку имени того, кто ее произносит (*имарекъ*)). Познавательная (когнитивная функция) является одной из самых значимых в анализируемых текстах.

Еще более важной функцией, реализуемой с помощью эмотивных языковых единиц, особенно тропов, является функция эмоциональная, творческая. Кирилл, будучи выдающимся писателем и блестящим оратором своего времени, следует закону эмоциональности речи – одному из основных законов общей риторики. В средневековой культуре риторическая насыщенность является традицией, входит в инерцию ожидания адресата. Этим в существенной мере объясняется амплификация эмотивных средств и образов. Творческая функция эмоционально-оценочной лексики и многочисленных тропов позволяет автору и выразить субъективный взгляд на мир, и проявить себя как поэта. Не случайно язык молитвенного цикла «на всю седмицу» не только поэтичен, но и ритмичен. Характерное нанизывание однотипных конструкций здесь нередко сопровождается их рифмовкой. Например, при обращении к богородице: *дево богородице, аггельское великое оудивление, моченикомъ крепкое оутверждение, свѣтителамъ израдное оукрашение, ... вѣрнымъ твердое ограждение, соущимъ в болезнѣхъ легкое исцѣление* (152-153); при изображении ликования праведников в день страшного суда: *тогда праведныхъ лица възрадоуютса, дѣвственницы венчаютса, черноризци оутѣшаютса, апостоли ... восхищаютса, пророци прславляютьса* (135-136) и др.

Автор, сочетая усиленную выразительность с усиленной изобразительностью, привлекает, удерживает внимание читателя и управляет им. При этом значима и репрезентативная функция эмоциональных средств, обеспечивающих возникновение у чита-

теля представлений о предмете речи – зримых, осязаемых, слышимых. И, наконец, в экспрессивном речевом акте, воплощением которого выступает молитва, закономерна реализация ряда экспрессивных функций, в частности аттракции и суггестии, обеспечивающих удержание внимания читателя и воздействие на его эмоциональную сферу, волю и разум.

Языковая ткань эмотивного текстового пространства показательна для характеристики идиостиля Кирилла Туровского еще в одном аспекте. Речь идет об отборе языковых средств, существенных для воплощения высокого пафоса гимнографических творений. Этот отбор характеризует автора как высокоинтеллектуальную личность своего времени, выдающегося книжника, просвещенного богослова, и вместе художника, талант которого впитал все лучшее из устно-поэтических народных источников.

Естественно, что в соответствии с жанром молитв и их содержанием наиболее значимая роль в исследуемых текстах принадлежит сакральным языковым средствам. Особенно характерно использование интертекстуальных элементов. Автор адресует свое творение просвещенному читателю, поэтому постоянно использует цитаты из Священного писания. В тексте отмечены многочисленные сравнения, включающие образы из евангельских притч, например: **БОУСА ПОСѢЧЕННА, ЯКО НЕПЛОДНАА СМОКОВНИЦА** (133); **ВОПИЮ ТИ, ЯКО И ПРОКАЖЕННЫЙ ОНЪ, АЩЕ ХОЩЕШИ МОЖЕШИ МА ОЧИСТИТИ** (139); **ЯКО БЛОУДЬНИЦА, ПРИПАДАЮ ТИ, СПАСЕ** (159); **ГОСПОДИ, ЯКО САМАРИЯНИИ, ВЗАХЪ МА НА СВОЙ СКОТЪ, СЪТВОРИ МА ЯКО ЕДИНАГО ОТ НАИМЪНИКЪ ТВОИХЪ** (139) и др. Через тексты всех молитв проходят аллюзии и аналогии к притче о блудном сыне: **ДОУШЕВНЫМЪ ГЛАДОМЪ ИЗНЕМАГАЮ; СОГРѢШИХ, ОТЧЕ, НА НЕБО И ПРѢД ТОБОЮ** (121). Эти знаки сакрального содержания имеют особую смысловую ёмкость, так как заключают в себе готовый целостный художественный образ, пропущенный через эстетическую оценку, заключенную в цитате, и одинаково воспринимаемый всеми носителями языка.

Язык молитв Кирилла в основном традиционный, старославянский. Для автора характерно использование типичной для средневековой церковнославянской книжности отвлеченной лексики, чаще всего представляющей сложения: например **ПРЕПРОСЛАВЛЕН, ВСЕМОГИЙ, ВСЕЩЕДРЫЙ, МНОГОМИЛОСТИВЪ** – в характеристике Бога, **МНОГОПАДЕНИЕ, ЛЮБОСЛАСТИЕ, ЗЛОХИТРИЕ** – в эмоциональном обозначении грехов. Автор использует также символические номинации, характерные не только для церковнославянского языка, но и для летописания. Так, метафорические книжные образы **СОЛНЕЧНЫЙ СВЕТЪ** (христианство), **ТЪМА** (безбожие) считаются наиболее употребительными не только в евангельских текстах, но и в исторической древнерусской литературе [9, с. 42]. Исследователи древнерусской поэтики отмечают как традиционное для разных жанров использование в метафорическом сакральном значении лексем **ПАСТУХ** (Бог) и **ОВЦЫ** (верующие), так как они были восприняты древнерусской культурой из евангельских притч в составе метафорически-символической картины, в которой выступают **пастух** (глава церкви), **овцы** (верующие) и **волк** (дьявол) [1, с. 97].

На словоупотреблении писателя существенным образом сказалась переводная книжность, основательно разработанная система поэтического языка образцов византийско-славянской книжной культуры, перенесенных на русскую почву. Отмеченные в текстах молитв эмоциональные языковые образы, сравнения и метафоры, построенные на сопоставлении духовных и материальных явлений, – черты, тоже свойственные древнерусской книжности разных жанров. Например, в языке Тверской летописи отмечено сравнение **ИЪ НА ЗЛОЕ ВОЗВРАЩАЕМСЯ, ЯКО ПЬСИ НА СВОА БЛЪВОТИНЫ И ЯКО СВИННА ВАЛЮЩЕЕСЯ ВЪ КАЛѢХЪ ГРѢХОВНЫХЪ**, аналогичное зафиксированному в исследуемых текстах.

Высокообразованный человек своего времени, воспитанный на образцах риторики византийского стиля, Кирилл свободно употреблял разнообразные средства “украшения”, характерные для церковнославянской письменности, риторические приемы и формы, свойственные церковным сочинениям. В средневековой культуре риторическая насыщенность являлась традицией, входила в инерцию ожидания адресата, и молитвы вполне отвечают этим ожиданиям. При этом Кирилл Туровский использовал яркие, но узнаваемые образы. Именно такие образы легко воспринимались древнерусским адресатом, были созвучны его миропониманию и привлекали внимание. Это соответствовало эстетике времени: исследователи исторической стилистики подчеркивают, что в прошлом язык культуры в поисках выразительных средств был ориентирован именно на прошлое.

Не противоречило этой эстетике и использование тех языковых богатств, которые были накоплены восточными славянами задолго до появления книжности. В рассматриваемых текстах, несмотря на специфику жанра, явно ощущается влияние народнопоэтической языковой стихии. Оно проявляется в использовании языковых средств и образов, типичных для эпической традиции. Среди таких средств можно отметить риторические вопросы и обращения, характерные для народных причитаний, например: *Господи мой господи!* (98); *Кто даст очима моема слезы?* (117). *Да кто о мнѣ помолитъса богоу?* (147); *Да к комуу прибѣгнуу избавления просиаи?* (147). Отголоском сказок звучит выражение *сын вдовичъ* (139); риторические обращения к апостолам Петру (*высоколѣтаючий орле* (172)) и Павлу (*сыноу громовъ* (173)). Конечно, их удельный вес в текстах молитв невысок по сравнению с книжно-славянскими языковыми богатствами, однако показателен сам факт обращения Кирилла Туровского – просвещенного монаха, недавнего архиепископа – к народной поэзии в торжественной молитве. Этот факт красноречиво характеризует автора как истинного патриота своей земли, как, впрочем, и сами гимнографические тексты, в которых нашлось место и заботе о насущном, житейском – о покое ближних и мире на родной земле. Недаром молитвенный цикл заключается такими словами: *И еще молю ти са владыко пресвятый избави градъ сей, и всакъ градъ и страну, от огниа и меча и потопа, и напрасныа смерти. от глада же и пагоубы, от нападения иноплеменникъ, и от оубовныа рати, и от всякого зла* (223)

Таким образом, в семантическом и эмотивном пространстве молитвенных текстов, созданных Кириллом Туровским, предельно полно проявляется сущность духовной деятельности этого писателя и всесторонне раскрывается его языковая личность. Его молитвы проникнуты высоким гуманистическим пафосом и являются настоящей сокровищницей глубоких мыслей, искренних чувств и вдохновенных образов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- 1 Адрианова-Перетц, В.П. Очерки поэтического стиля Древней Руси / В.П. Адрианова-Перетц. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1947. – 185 с.
- 2 Бабенко, Л.Г. Филологический анализ текста. Основы теории, принципы и аспекты анализа: учебник для вузов / Л.Г. Бабенко. – М.: Академический Проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2004. – 464 с. – («*Gaudeamus*»).
- 3 Златоструй. Древняя Русь. X – XIII вв. / Сост., авторский текст, коммент. А.Г. Кузьмина, А.Ю. Карпова. М.: Мол. гвардия, 1990. 302 с. (Дорогами человеческой мысли)
- 4 Калинуллина, Л.А. Современные трактовки категории эмотивности / Л.А. Калинуллина. – Филологические науки. № 5. – 2006. С. 71 – 77.

- 5 Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. – М.: АСТ Олимп, 2000. – 307 с.
- 6 Лабынцаў, Ю. «Напой росой благодати...» Малітоўная паэзія Кірыла Тураўскага / Ю.А. Лабынцаў. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1992. – 237 с.
- 7 Степанов, Ю.С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп./ Ю.С. Степанов. – М.: Академический Проект, 2004.
- 8 Шаховский, В.И. Лингвистика эмоций / В.И. Шаховский. – Филологические науки. № 5. – 2007. С. 3 – 13.
- 9 Улуханов, И.С. О языке Древней Руси / И.С. Улуханов. – М.: Наука, 1972. – 133 с.

Korolevich S.A.

C. Turovsky's linguistic personality in the emotive space of hymnographic texts

The article deals with C. Turovsky's linguistic personality manifested in the emotive space of prayers. The author describes the means of linguistic representation of dominating emotions which characterize the cognitive and verbal-semantic levels of the author's personality, and singles out the functions of emotive means in prayers, reflecting the pragmatic intentions of their creator. The article also gives conclusions about the cultural and ideological specificity of verbalizing emotions in ancient texts.